

Влас Михайлович Дорошевич

**Человек, которого
интервьюировали**

Влас Дорошевич

**Человек, которого
интервьюировали**

«Public Domain»

1906

Дорошевич В. М.

Человек, которого интервьюировали / В. М. Дорошевич —
«Public Domain», 1906

«Как это случилось в первый раз, Иван Иванович даже не может дать себе отчёта. Это произошло вечером, в полумраке кабинета. Дрожали красные, синие, жёлтые пятна, которые бросал разноцветный фонарик. Молодой человек сидел перед Иваном Ивановичем, наклонившись, с жадно раскрытыми глазами, засматривая ему в глубину очей, казалось, страдал и млел и только иногда шептал:— Дальше... дальше...»

Влас Дорошевич

Человек, которого интервьюировали

(Петербургский тип)

Как это случилось в первый раз, Иван Иванович даже не может дать себе отчёта.

Это произошло вечером, в полумраке кабинета. Дрожали красные, синие, жёлтые пятна, которые бросал разноцветный фонарик. Молодой человек сидел перед Иваном Ивановичем, наклонившись, с жадно раскрытыми глазами, засматривая ему в глубину очей, казалось, страдал и млел и только иногда шептал:

– Дальше... дальше...

Ивану Ивановичу казалось, что молодой человек гипнотизирует его своим взглядом. У него слегка кружилась голова. Он был в каком-то опьянении. Его охватывало волнение. Он говорил, говорил, говорил... и когда кончил, молодой человек поднялся и поклонился.

– Это всё, что мне было нужно. Вы интервьюированы!

Иван Иванович почувствовал, что он летит в пропасть.

Он словно пробудился от сладкого сна. Его охватил ужас.

Он хотел крикнуть вслед уходившему молодому человеку:

– Стойте!.. Стойте!..

У него даже мелькнула в голове мысль:

– Убить его и спрятать труп.

Но было поздно. Тот ушёл.

Иван Иванович остался недвижимый в кресле. Голова кружилась. Под ложечкой тоскливо сосало. Кости ныли, словно Ивана Ивановича кто-то исколотил.

И одна только мысль, не шевелясь, сидела в мозгу:

«Вот меня и интервьюировали!»

Ему вдруг захотелось кислой капусты.

– Что это я? – опомнился Иван Иванович и приказал сделать постель.

– Никого не принимать, и я никуда не поеду. Мне что-то не по себе.

Он с наслаждением зарылся в свежее, чуть-чуть надушенное бельё, свернулся клубочком в холодном полотне, задул ночник и долго лежал с открытыми глазами.

Ему было страшно и приятно.

Он старался думать о том, что произошло, с отвращением и не мог: против воли воспоминания наполняли его блаженством.

– А ловко я мысль об учреждении института экзекуторов пропустил... Прямо против Василья Васильича... Пусть съест! Хе-хе!..

Он заснул поздно, среди какого-то блаженного бреда, и спал тревожно, – его мучили кошмары.

Он кричал во сне и метался.

Ему снились народные толпы. Они смотрели на него с изумлением, с благоговением.

– Ах, какие у вас взгляды! Какие мысли! Какой ум!..

Подходили ближе, ближе и вдруг, подойдя совсем вплотную, показывали на него пальцем, кричали:

– Человек, которого интервьюировали!

Хохотали и разбегались.

И так раз восемьдесят.

Иван Иванович проснулся в холодном поту, с лёгкой головной болью. Одеяло, простыни были скомканы, подушки валялись на полу.

Он взялся за газету и почувствовал, что у него отнимаются руки и ноги. На первой странице крупным шрифтом чернело:

«О реформах наших департаментов. Интервью с его превосходительством Иваном Ивановичем Ивановым».

Каждое слово, которое он сказал вчера, стояло теперь чёрным по белому, выделялось, кричало. Тысячи, десятки тысяч людей теперь читали то, что он думал.

Иван Иванович чувствовал себя так, словно с него на Невском на солнечной стороне в два часа дня упала часть туалета и все увидели его сокровенное.

Ему было стыдно и – удивительно! – приятно.

«Что ж, дай Бог всякому!» подумал Иван Иванович, перечитав свои мысли.

Мысль о департаменте, однако, наполнила душу Ивана Ивановича ужасом.

– Читал! – почувствовал Иван Иванович, когда швейцар отвернулся, снимая с него шубу, и у него ёкнуло сердце.

Он пошёл на цыпочках вдоль стенки и в эту минуту отдал бы всё своё жалованье, чтоб только его никто не заметил.

При входе Ивана Ивановича всё стихло. Мелкие чиновники глубже ушли в бумаги. Средние начали вдруг все почему-то рыться в столах. Покрупнее, подавая руку, старались не глядеть Ивану Ивановичу в глаза и говорили что-то нескладное:

– Какой сегодня на дворе великолепный театр... Скоро ли будет числовое двадцато?..

«Словно по-сербски», тоскливо подумал Иван Иванович.

– Все прочли... Все знают...

Только один Степан Степанович глядел на него из своего угла прямо и пристально.

Степан Степанович потому и сидел в самом углу, что он имел неизлечимую болезнь интервьюироваться. Редкий день в газете не появлялось интервью с Степаном Степановичем. От Степана Степановича сторонились; Степана Степановича чуждались, с ним избегали говорить, особенно при посторонних:

– Ну его! Ещё возьмёт да в интервью вставит: «хотя некоторые из моих товарищей и полагают так-то, но я нахожу этот взгляд неосновательным». Да в виде «неосновательного взгляда» ваше мнение и выведет.

Степан Степанович и сам понимал, что ведёт себя предосудительно, держался в уголке, ни с кем не заговаривал, ни на кого не смотрел, руку подавал робко, словно успокаивал:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.